DOI: 10.31249/rsm/2024.03.03

В.А. Аватков, Д.Г. Евстафьев

ПОСТСОВЕТСКАЯ ЕВРАЗИЯ И ГЛОБАЛЬНЫЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ КРИЗИС

Аннотация. *Развитие глобальных геоэкономических трансформаций, в том числе в формате «силовой геоэкономики», уже на данном этапе привело к глубокому кризису институциональной структуры системы международных отношений. Этот кризис неизбежно затронет и Евразию, которая объективно оказывается внутри «сферы притяжения» принципиально разнонаправленных политических и экономических тенденций. Это означает неизбежность, как минимум, кризиса той институциональности, которая сформировалась на пространстве Евразии, понимаемом в широком смысле как пространственный социально-экономический комплекс. Уже сейчас в пространстве Евразии существенно более востребованы либо «альтернативные» глобальные структуры (BRICS, ШОС), либо организации, которые, строго говоря, можно назвать «нишевыми» («Каспийская пятерка»). Организации, претендовавшие, хотя бы формально на общеевразийский статус институты в настоящее время ушли на второй план, хотя с политико-бюрократической точки зрения не ликвидирована ни одна. Это означает, что на этапе перестройки как геополитического, так и геоэкономического пространства, Россия как интеграционное ядро Евразии может попасть в своего рода «институциональный вакуум, способный создать существенные политические проблемы: очевидно, что двусторонние отношения вполне приемлемые как суррогат евразийской институциональности на нынешнем этапе развития системы, в фазе новой интегративности перестанет быть адекватным.*

Ключевые слова: *Евразия; евразийская интеграция институциональный кризис; неоглобальный мир; постсоветское пространство; геоэкономические макрорегионы.*

Аватков Владимир Алексеевич – доктор политических наук, заведующий Отделом Ближнего и Постсоветского Востока ИНИОН РАН, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России МГЛУ. Россия, Москва.
E-mail: v.avatkov@gmail.com
Scopus Author ID: 55968832200

Евстафьев Дмитрий Геннадиевич – кандидат политических наук, профессор Института медиа Факультета креативных индустрий НИУ ВШЭ, профессор кафедры сравнительного правоведения и практической юриспруденции Юридического института Российского университета дружбы народов (РУДН). Россия, Москва.
E-mail: devstafiev@hse.ru
Scopus Author ID: 7005088140

Avatkov V.A., Evstafiev D.G.

Post-Soviet Eurasia and global institutional crisis

Abstract. *The on-going global transformations including the promotion of the «force geo-economics» at this relatively early phase has already led to the deep crisis of the institutional architecture of the international relations. That crisis would inevitably have impact upon the Post-Soviet Eurasia that happened to be within the gravitation spheres of drastically different political and economic trends. That leads to the inevitable crisis of institutional architecture that has been formed in Eurasia if we address it as integrated spatial socio-economic complex in recent decades. One can see already at this point that the most active and influential institutions in Eurasia are the ones that could be labeled as «alternative globalist» ones (BRICS, Shanghai organization) or the niche one like «Caspian five». The structures that claimed all-Eurasian status in the beginning of the XXI century were forced from the frontline of the major political process. Though formally none of them was dismantled. That means that at the stage of managed transformation of the geopolitical and geo-economic space of Eurasia that looks inevitable at this point Russia that plays the role of a donor of integration stimulating activity can enter the situation of institutional vacuum with the political consequences. Already at this stage of developments it is clear that the reliance upon the bilateral relations that were previously used as a substitution for the full-scale institutionalization considering the disruption of the post-Soviet identities in most of the Eurasian countries could turn to be insufficient in the era of new integration that is part of the regionalization trend.*

Keywords: *Eurasia; Eurasian integration; institutional crisis; neo-global world; post-Soviet geopolitical space; geo-economic macro-regions.*

Vladimir A. Avatkov – Doctor of Political Science, Head of the Middle East and Post-Soviet East Division, INION RAN, Professor of the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, Moscow State Linguistic University. Russia, Moscow.
E-mail: v.avatkov@gmail.com
Scopus Author ID: 55968832200

Evstafiev Dmitry Gennadievich – Candidate of Political Sciences, Professor of the Institute of Media, Faculty of Creative Industries, National Research University Higher School of Economics, Professor of the Department of Theory of Law and State Peoples' Friendship University of Russia (PFUR). Russia, Moscow.
E-mail: devstafiev@hse.ru
Scopus Author ID: 7005088140

Введение

Происходящие сейчас трансформации системы мировой политики и экономики, основанные на повышении значимости принципов государственного суверенитета, даже в «вестфальской» трактовке, подразумевают существенно иной характер институтов глобального и регионального управления. В своей

массе институты, созданные и трансформированные под задачи эпохи поздней глобализации оказываются не вполне адекватны новым условиям. Попытка реализации в пространстве глобальной геоэкономической взаимозависимости принципов неограниченной политической американоцентричности привела к глубокой, возможно необратимой, деградации значительной части глобальных и многих региональных институтов, часть из которых была частично «приватизирована» коалицией «Объединенного Запада».

Ключевой фактор в формировании направления институционального развития и применительно к глобальной системе в целом, и к ключевым регионам, одним из которых вновь становится Евразия, сводится к институционализации нового геоэкономического пространства, а на более поздних этапах – и пространства многостороннего политического и экономического взаимодействия. Это является важнейшим концептуальным вызовом, затрагивающим не только политико-правовые аспекты, но и цивилизационные, особенно учитывая, что нынешняя фаза уже обозначена как «эпоха конкуренции ценностей». Несмотря на то, что по форме нынешний этап выглядит как де-экономизация системы международных отношений (и на практике несет внутри себя некоторые подобные элементы). Для Евразии ситуация обостряется наложением друг на друга различных в качественном (концептуальном) смысле «слоев» институционализации, имевших принципиально различные задачи.

Но есть вопрос, насколько «коллективный Запад», в той или иной степени прорабатывающий варианты разрушения российской государственности, в принципе будет сам по себе способен пережить «геополитическую катастрофу», сравнимую с распадом СССР, только, вероятно, в существенно большем глобальном конкурентном пространстве. Этот вопрос остается открытым и сливается с проблематикой «мягкой силы»: «коллективный Запад» планировал не только институциональное разрушение российской государственности, но и пространственную деструкцию России, исходя из возможности оставаться в рамках механизмов «мягкой силы». Сформировавшаяся к началу 2020-х годов система экономических связей предопределяла возможность разрыва глобальной геоэкономической взаимозависимости, а с ней – и политической, если не связности, то синергии [Аватков, Евстафьев 2023, с. 154]. Это само по себе, даже без учета военно-политических процессов, предопределяло кризис глобальной и региональной институционализации.

Контекст

Современные глобальные трансформации развиваются в нескольких важнейших областях, центральной из которых на данном этапе становится кризис модели развития в рамках постпространственного [Урри 2012, с. 324] и постгосударственного [Фукуяма 2017, с. 576] мира, что проявлялось в легализации принципов силовой геоэкономики и формировании условий для возникновения новой экономической географии [Nye 2018], которая на определенном этапе приведет к стратегическим изменениям в географии политической.

Как один из результатов развития этих тенденций сформировался системный кризис глобальной, а как следствие, – и региональной политической и экономической институциональности. Ни один глобальный или региональный институт не может рассматриваться сейчас как полностью дееспособный.

Это связано с трансформацией всей системы международных отношений, что априори приводит к изменению и самих акторов, и связей между ними, и среды. Системный кризис неизбежно порождает взрывы конфликтности, которые уже наблюдаются во многих регионах мира. Вместе с ними формируются новые естественные и навязываемые линии разлома, преодолеть которые позволит только война или созидательное развитие. Чаще всего – вначале то, а потом другое.

Вместе с изменением системы меняются и общественно-политические установки развития, возникает идейно-ценностный вакуум или конкуренция, неизбежно расширяющие конфликтное поле от исключительно национальных интересов к национальным и наднациональным ценностям. В этой среде оказываются под ударом не только государства, но и подсистемы международных отношений, которые требуют структурной перестройки под новые реалии. Не исключение и Постсоветская Евразия [Аватков, Евстафьев 2023, с. 63].

Актуальная институциональная архитектура глобальных политических и экономических отношений отражает определенные геэкономические реалии, сложившиеся в период «поздней глобализации», который можно условно отсчитывать от финансового кризиса 2007–2009-х годов. Характерно, что именно к этому периоду относится последний всплеск активности в сфере формирования новых политических и экономических институтов, призванный адаптировать глобальные системы управления в условиях «сокращающейся многополярности», многополярности уже не гегемонии, а лидерства [Бжезинский 2004, с. 154], а в перспективе – и в условиях возможного формирования ситуативно структурируемого бесполярного мира [Хаас 2019, с. 224]. Такое положение в институциональной структуре современного мира означает исчезновение не просто рамочных ограничений в политике и экономике, но и арбитражности политических и экономических процессов.

Центральным вопросом является следующий: *изменяема ли архитектура взаимоотношений крупнейших игроков в рамках существующей экономической (на деле – многомерной геоэкономической) системы без ее полного или частичного разрушения? Или же любое, даже частное, изменение структуры ключевых игроков повлечет кризис системы как таковой. И* ***как изменения общих принципов выстраивания глобальной институциональности могут отразиться на политико-институциональных процессах в Евразии,*** *где в постсоветский период институционализация сталкивалась с серьезными проблемами.*

В долгосрочном плане уже можно с уверенностью ответить отрицательно, что и показал кризис на Украине. Но на уровне локальных институциональных решений могут возникать различные варианты, связанные с временной адаптацией ранее сложившихся форматов управления.

Геоэкономическая база институционального кризиса

Итак, можно констатировать: *современный глобальный институциональный кризис порожден не столько текущими политическими процессами, сколько распадом существовавшей с 1960-х годов «триадной» архитектуры глобального экономического пространства «инвестиционно-технологическое ядро» – «промышленно-ресурсная полупериферия» – «ресурсная периферия».*

Эта триада вполне развивалась в рамках концепции «мир-системы» [Валлерстайн 2020, с. 261], обеспечивающей относительную синергию социально-экономического развития и сглаживание основных социально-экономических противоречий между ключевыми структурными игроками. Но эта система требовала, с одной стороны, хотя бы и ограниченного включения экономик стран полупериферии в глобальный инвестиционный контур, что означало необходимость сохранения собственных инвестиционных институтов и некоторого суверенитета в этой области. А, с другой стороны, делегирования им определенной роли в глобальной архитектуре, что однозначно повышало роль региональных институтов.

На политическом уровне это выражалось в переходе США к регионализации своих интересов через систему «региональная коалиция плюс США», что полностью соответствовало стратегии «лидерства» в известной парадигме Бжезинского. На экономическом уровне – в практике достижения соглашений о «свободной торговле», соглашений о расчетах внутри системы номинирования цен в долларах или операционных аватарах доллара.

С точки зрения глобальных институциональных процессов ключевым событием стало возникновение G-20, которое было воспринято как признак смягчения американоцентричности в глобальных институтах и признания неизбежности формирования геоэкономической многополярности. Но на уровне реальных геоэкономических процессов ситуация была прямо противоположной: происходил резкий рост американоцентричности в глобальных финансах, который на операционном уровне выражался в постепенном демонтаже суверенитета не только в сфере инвестиций, но и в экономике в целом. **Институционализация перестала адекватно отражать глобальную политическую действительность, сохраняя связь только с реальностью политической. Это можно считать отправной точкой кризиса институциональности в современном мире**, пиковый этап которого, судя по всему, наблюдается в настоящий момент. По всем уровням развития общемировых геоэкономических процессов происходит кризис институционального развития, который выражается на уровне геополитики в утрате потенциала многосторонней дипломатии и геоэкономического взаимодействия. Это, с одной стороны, отражает кризис глобализации, а, с другой – усугубляет его, делая невозможным эволюционную трансформацию архитектуры. Описанное выше доказывает, что на данном этапе глобальная политическая и экономическая архитектура находится все еще на этапе адаптации к новым политическим и экономическим реалиям, что и создает элемент хаотичности.

Мир вошел в состояние организационного хаоса, который в наибольшей степени отразился на пространствах, коалициях и созданных ими институтах, находившихся в трансформируемых стратах глобальной системы.

Подобные трансформации рано или поздно потребуют новой институционализации, признаки чего уже заметны (например, в отношении BRICS), поскольку обозначают пространства с принципиально различным режимом политического и экономического управления. Данный аспект в настоящее время закамуфлирован под форматы «коалиции во имя ценностей» (на Западе) или «цивилизационной многополярности» (Россия – Концепция внешней политики [Концепция от 31 марта 2023 г.]), но в действительности они предусматривают принципиально различные организации системы управления внутри коалиции.

Наблюдаемые процессы оформления новой архитектуры мировой политики и экономических отношений имеют две специфические черты: с одной стороны, они пока происходят в рамках прежних форматов институционализации, в подавляющем большинстве своем возникавшие для обеспечения дееспособности устойчивости системы зрелой глобализации. С другой стороны, основные институциональные трансформации пока происходят в сфере политики, а не геоэкономики, что делает их поверхностными.

Ключевым драйвером перестройки архитектуры глобальной политики становится формирование новой геоэкономической карты мира, во многом отрицающей структуры и форматы взаимодействия поздней глобализации. Этот процесс начался существенно раньше, чем нынешняя остро-публичная фаза геополитического кризиса. Как результат, предыдущая институциональная архитектура мира, фактически, уже завершает свое существование, находясь в финальных фазах деструкции. Ни один из имеющихся на сегодняшний день глобальных политических и экономических институтов не адекватен задачам управления геоэкономической турбулентностью и, тем более, формирования перспективной архитектуры политических отношений в расчете на новую систему геоэкономических отношений.

Евразия затронута процессами геоэкономических трансформаций в не меньшей, если не в большей степени, нежели другие крупнейшие геоэкономические регионы и в ней также имеется запрос на новые форматы институционализации, а, как минимум, на адаптацию имеющихся форматов под новые задачи.

Важнейшим глобальным процессом, направленным на предотвращение скатывания к полноценному политико-экономическому кризису со значимой военно-силовой составляющей, являются попытки возрождения полупериферии в различных формах. Наиболее ярким в силу формата декларирования проектом такого типа был, безусловно, концепт «мира больше пяти», продвигавшийся Р.Т. Эрдоганом. В настоящее время (середина 2024 года) проект находится в стадии политического затухания в силу отсутствия достаточной геоэкономической базы и неблагоприятного развития ситуации в регионе. Но можно не сомневаться, что проект будет рассматриваться в качестве модели

и другими геополитическими игроками «второго» и даже «третьего» ряда. Но что самое важное, этот проект, в отличие от многих других, предусматривал не просто институционализацию нового статуса ряда стран полупериферии, но и приоритетность этого вопроса.

Процесс **восстановления статуса полупериферии однозначно ставит не только Россию, но и Евразию в целом в центр наиболее значимых глобальных геоэкономических процессов**. С одной стороны, возникает риск перехода значимых в геоэкономическом плане регионов из протополупериферии в чистую ресурсную периферию, а в ряде случаев, в «дикое поле» пространства вне синергичного развития. С другой стороны, очевиден процесс втягивания значимых пространств в экономическое пространство, формируемое вокруг конкурирующих центров экономической консолидации [Кузнецов 2022, с. 116]. Такая сложная диалектика о форматах институционализации в Евразии, которые бы позволили обеспечить хотя бы и в перспективе формирование относительно целостного макрорегиона «Евразия», который, вероятно, уже не будет полностью совпадать с пространственными границами того, что именуется «постсоветское пространство». Именно концептуальный выход за рамки «постсоветского пространства» является одним из наиболее значимых вызовов в осмыслении геополитических процессов.

Факторы новой глобальной институционализации

Стратегическим вызовом институционализации, возникающим по мере перерастания трансформаций локального и регионального уровней в полноценные глобальные или даже субглобальные, будет пространственность. Это – единственная база, на которой может обеспечиваться коалиционное защищенное геоэкономическое пространство. Это является принципиальной антитезой и «секторальности» (торговые или промышленные союзы, как например, Европейский союз угля и стали), так и качественной кластеризации («ведущие промышленно-развитые страны», «ведущие производители углеводородов» и т. п.). Но основой для нового институционального формирования является, прежде всего, пространственность.

Процессы институционализации в мире будут определяться еще длительное время опережающим развитием региональных пространственных институтов по сравнению с институтами, претендующими на ту или иную степень глобальности. Система глобальных политических отношений к полноценной новой институционализации не готова и, как показывают действия США, новая институционализация заменяется ее пропагандистскими суррогатами.

Это означает, что организационно-институциональной основой для конструируемых «больших систем», особенно если они сориентированы на приоритет геоэкономики, на среднесрочную перспективу может быть только классический «вестфальский» суверенитет, фактически, отрицавшийся в период поздней глобализации.

Затем может осуществляться его достройка в надпространственной сфере. Тема сохранения и даже частичного восстановления суверенитета становится более, чем актуальной [Маслов 2023], но это означает в перспективе выходить хотя бы частично за рамки институциональных структур, предусматривающих ту или иную степень десуверенизации. Включая, но не ограничиваясь, так называемым «Альянсом демократий», который конструируется в качестве институционального формата для новой версии американоцентричного «Мира правил».

Помимо этого, отметим еще три фактора, определяющие характер процессов институционализации на среднесрочную перспективу.

• Запрос на «не-американоцентричность». Новая институционализация в отличие от ситуации середины – второй половины 2010-х годов имеет относительно быстрый темп развития именно потому, что воспринимается как инструмент сокращения американского влияния и восстановления арбитражности в межгосударственных отношениях.

• Комплексный характер возникающих институциональных систем, что диктуется приоритетом вопросов суверенности и защищенности, создающих крайне сложную диалектику политики, экономики и социальной сферы.

• Необходимость интегрировать в институционализацию фактор идентичностей в различных проявлениях, в особенности с точки зрения социально-экономического поведения, а это означает, как минимум, неизбежность отхода от принципов институционального универсализма. И для Евразии это будет особенно значимым вызовом, учитывая окончательную деградацию советской социальности, фактически служившей главной интегрирующей силой, но, в последние годы, скорее, создававшей иллюзию интеграции, маскируя ценностный раскол в постсоветских обществах [Пантин 2020, с. 31].

Переформатирование глобальной институциональной архитектуры и Постсоветская Евразия

Исходное положение с точки зрения институционального развития Евразии определяется тремя центральными факторами.

• Вовлеченностью большей части территорий постсоветской Евразии в разнонаправленные геоэкономические процессы. На сегодняшний день основные центры экономической консолидации и драйверы экономического роста находятся вне пространства Постсоветской Евразии. Но одновременно значение Евразии как ресурсно-логистического пространства для глобального развития – растет [Малышева 2023, с. 97]. Состояние Евразии стало ключевым фактором, определяющим параметры экономического развития, как минимум – на Ближнем и Среднем Востоке и в Большом Причерноморье.

• Институциональной многоуровневостью, большим количеством «спящих» организаций, не выполняющих даже бюрократические функции. Их появление связано с прохождением Евразией различных в политическом и геоэкономическом смысле этапов, под которые создавался бюрократический

механизм, при изменении ситуации ненужный. Институциональное наслоение является результатом восприятия процессов институционализации как относительно маловажных. В качестве базовой основы для евразийской институционализации продолжает использоваться общее советское прошлое, которое утрачивает своё значение, что ускоряется глобальным геоэкономическим переформатированием. На место советского наследия претендуют сопредельные игроки, утягивающие пространство в новую архаику, при этом ложно обличая советское в империалистическое и используя советский дискурс о борьбе с империализмом против самого же советского наследия,

• Растущим значением неэкономических рисков экономического развития, что, однако, является четкой рефлекцией глобальных процессов на Постсоветскую Евразию, обостренной несуверенностью значительной части постсоветских евразийских государств, внешними манипуляциями в отношении их элит, провоцирующих разрушение цельности государств и обществ, а также отсутствием эффективных «сдерживающих» институтов пространственной обороны и безопасности. Данный вывод может стать одним из ключевых с точки зрения влияния на потенциал геоэкономического развития.

Нынешняя ситуация в Евразии может быть охарактеризована как институциональная многоуровневость и многовекторность, непреодолимая в рамках существующих моделей институционализации. Главный риск в таком случае: вывод фокуса/фокусов институционализации по наиболее перспективным направлениям за пределы Евразии, что окончательно зафиксирует разрыв постсоветского евразийского пространства на сегменты. Более того, усиливается раскол постсоветской Евразии по дихотомии Восток-Запад, а также попытка интегрировать отдельные части пространства в сопредельные подсистемы международных отношений, изолировав Россию от исторически связанных с нею территорий.

Ключевой геоэкономический риск для современной Евразии складывается из двух составляющих.

С одной стороны, усиливается риск выпадения Евразии в целом и большинства стран пространства, в частности, из ниши «ресурсно-промышленной полупериферии», предоставляющей в новой глобальной геоэкономической архитектуре существенные шансы на превращение в самостоятельный субъект глобальной экономики, в «страту» пространственно-ресурсной периферии, а в ряде случаев, в результате стимулированной извне хаотизации, даже в «дикое поле». С другой стороны, высокий уровень социальной деструкции в большинстве стран пространства, связанный, очевидно с ускорившейся в последние пять лет деградацией остатков «советской» промышленности и ослабеванием связанных с ней страновых элит.

С институциональной точки зрения Евразия стоит перед вызовом организационной хаотизации. В Евразии в силу целого ряда, в том числе и исторических, причин возникла организационная «чересполосица» различного рода структур, в отношении которых неявны не только цели, но и функциональные задачи. Это создало эффект нагромождения институтов, политический смысл существова-

ния которых противоречит друг другу. В ряде случаев неясен текущий статус организации и даже ее состав (например, трудность представляет определение состава такой организации, как СНГ). Примеры некоторых организаций, продолжающих существовать в Евразии приведены в таблице 1. Как результат, на сегодняшний день не существует полноценного организационного ядра для формирования геоэкономического макрорегиона «Евразия», более того, организационный вакуум, который не может быть заполнен двусторонними отношениями, начинает заполняться внерегиональными силами. Идет вполне открытая перестройка не только системы геоэкономических связей ряда стран Евразии, но и социокультурной ценностной основы, что в среднесрочной перспективе может оказаться существенно более значимым фактором.

В качестве примера можно привести Организацию тюркских государств. Она представляет собой туркоцентричную (ориентированную на турецкие интересы) [Курылев, Енокян 2023, с. 82] интеграционную площадку и подразумевает тотальную перестройку связок на Постсоветском Востоке. Главная цель – переориентация, переход от постсоветской действительности к турецким идеологемам. Турция использует ОТГ как инструмент воздействия на тюркские государства [Аватков, Сбитнева 2022, с. 294].

Все это означает, что новые подходы к институционализации в Евразии должны определяться необходимостью решения трех взаимосвязанных задач.

Во-первых, это упорядочивание имеющихся интеграционных структур, включая как выстраивание между ними межсистемных связей, так и политически безопасную утилизацию (структурный демонтаж) тех из них, что могут быть использованы для хаотизации систем управления. Евразия уже давно созрела для расчистки «управленческого поля» от фиктивно существующих организаций.

Во-вторых, формирование на базе одной из имеющихся структур механизмов, обеспечивающих развитие, как минимум, части Постсоветской Евразии в направлении статуса «инвестиционно-промышленной полупериферии», обладающей самостоятельными технологическими возможностями, т. е. пространства, обладающего значительными элементами экономической суверенности и собственным инвестиционным потенциалом. Это означает критическую необходимость надстройки интеграционных структур соответствующим потенциалом, что пока в полной мере не было реализовано даже в рамках Союзного государства России и Белоруссии.

И в-третьих, обеспечение защищенного в широком смысле режима функционирования основных систем развития Евразии (платежных систем, интегрированных систем государственного управления [Мишустин отметил 2024]), что предполагает тесное взаимодействие при признании самостоятельного статуса со структурами, которые сориентированы на эти вопросы в сопредельных регионах. Достижение этой задачи только через двусторонние отношения или в рамках организаций, не имеющих четкой организационной формы (как, например, «Каспийская пятерка»). На такой базе невозможна выработка устойчивого управленческого стандарта.

Таблица 1

Институционализация в Евразии: ключевые организации и перспективы развития

Институт	Состояние	Функциональная база	Центральный компонент	По отношению к пространству «Большой Евразии»	Влияющий макрорегион	Примечания / Тенденции развития
1	2	3	4	5	6	7
Содружество независимых государств	Организационная деградация.	Пространственность.	Политическое взаимодействие в начале развития. Социально-экономическое в дальнейшем.	Внутриевразийский.	Ближний и Средний Восток. Центральная Европа. Прикаспий. Пространство ВШП.	Окончательное утрата функциональности. «Мемориальная» функция с последующим отмиранием и ее. Сохранение площадки межпараметнского взаимодействия.
ЕАЭС	Кризис. Стагнация развития.	Секторальная.	Зона свободной торговли.	Внутренний.	Прикаспий. «Большой Китай».	Стагнация на фазе «расширенной зоны свободной торговли». Кризис, связанный с политической многовекторностью Предел развития в рамках чисто экономических приоритов.
Союзное государство России и Беларуси	Активное развитие.	Пространство. Относительно быстрый выход на «секторальность».	Военно-экономический альянс.	Внутренний.	ЕС–Междуморье.	Уникальная и, вероятно, нетиражируемая форма интеграции двух государств с высоким уровнем индивидуальной суверенности.

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7
Каспийская пятерка	Стагнация.	Пространственная изначально. Надстройка ведется за счет «секторальных» элементов.	Общее логистическое и инвестиционное пространство.	Смешанный, но преимущественно внутренний.	Ближний и Средний Восток.	Наличие возможностей синергии с ВШП. Отсутствие полноценной институционализации.
ШОС	Новый цикл развития.	Секторальность (сфера приграничной безопасности).	Смешанный.	Внешний.	АСЕАН ЕС ЕАЭС	Трансформация в пространственную структуру с выходом за пределы базового ареала. Наличие институциональных противоречий с другими структурами.
BRICS	Волновое расширение. Заявка на альтер-нативные надпростран-ственные системы.	Секторальность. Развитие синергичных инвестиционных процессов.	Общее финансово-инвестиционное пространство.	Внешний.	Большой Китай (китаецентричные сетевые структуры за пределами «материкового Китая»). Выраженный географический вектор последней волны: Ближний и Средний Восток. Влияние в основном в над-пространственных системах.	Нарастание доминирования Китая. Наличие политических ограничений в силу отношений США–Китай. Выход на бездолларовую систему взаиморасчетов.

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7
Организация тюркских государств (Тюркский совет)	Активное развитие.	Ценностный (цивилизационный). Экономическая интеграция.	Смешанный.	Внешний.	Средний Восток. Восточное Средиземноморье.	Проект, в среднесрочной перспективе приводящий к полному системному разрушению целостности Евразии и дальнейшему продвижению на территорию России.
ГУАМ (ГУУАМ)	Стагнация.	Политический статус (против влияния России).	Общее экономико-инвестиционное пространство с ориентацией на внешнее освоение региона.	Формально – внутренний, по сути – внешний.	Турция. Трансрегиональное влияние США.	Сохранение институциональной «оболочки» позволяет быстро «разбудить» организацию.
Организация черноморского экономического сотрудничества	Кризис. Потенциал развития. После завершения кризиса вокруг Украины возможно принципиальное переформатирование.	Пространственность.	Зона свободной торговли. Зона инвестиционного взаимодействия.	Смешанный. Тяготение к политизированности в последние годы.	Ближний и Средний Восток. Восточная Европа – Балканы.	Кризис в связи с невозможностью реализации турецко-центричности в прежнем масштабе.

Источник: авторские обобщения и анализ. Таблица является релевантной на март 2024 г.

На сегодняшний день признаков консолидации Евразии на какой-либо основе (геоэкономической, военно-политической или иной) крайне немного. Исключением является Союзное государство России и Беларуси, которое стало уникальной формой комплексной институционализации. Союзное государство является вполне адекватной формой институциональной реализации геоэкономической и военно-политической гибридности, вполне соответствующей потребностям сегодняшнего времени. Более того, соответствующей глобально формирующемуся запросу на форматы экономической и политической институционализации, альтернативные американоцентричным. Все остальные институты являются отражением институциональных приоритетов, переставших быть актуальными. И, хотя сама форма Союзного государства вряд ли может рассматриваться как тиражируемая, формат подобных отношений может быть весьма востребован на этапе активного переформатирования пространства глобальной политики и экономики, обозначения концептуальных пределов формирующихся «миров» и их региональных продолжений.

Анализируя таблицу 1, выделим три важных обстоятельства применительно к институциональной ситуации в современной Евразии, составляющих содержательную часть организационного вызова, о чем говорилось выше:

1) значительная часть институтов в целом и большая часть институтов, имеющих в своей основе геоэкономические факторы, в своем развитии опираются на импульс, исходящий из-за пределов Евразии. И в силу этого будут отражать применительно к Постсоветской Евразии процессы, происходящие за ее пределами. Но следует признать, что это некое «неизбежное зло», отражающее феномен запаздывания процессов геоэкономической консолидации по сравнению с соседними регионами;

2) большая часть институциональных структур претендует на пространственность, хотя и несет в себя отдельные элементы секторальности. Это подчеркивает важность Постсоветской Евразии именно как пространства, а не промышленно-технологических систем, но одновременно косвенно отражает ее восприятие как объекта, а не субъекта геоэкономического развития. Это подтверждает высказанное выше предположение о нерешенности вопроса о статусе Евразии в новой глобальной геоэкономической архитектуре. Такое «промежуточное» положение негативным образом сказывается на перспективах развития макрорегиона, но не может быть разрешено только методами институционализации;

3) единственным институтом, обладающим признаками институциональной гибридности нового типа, сочетающей пространственную защищенность, собственный инвестиционный инструментарий и секторальное взаимодействие в промышленности и сельском хозяйстве, является Союзное государство России и Беларуси. Но его особенностью является немасштабируемость реализуемых внутри него политических решений. Что проявилось в резком неприятии предложений о присоединении к Союзному государству со стороны актуальных лидеров ряда постсоветских стран.

Вместо заключения: перспективы развития

Ключевой вопрос, касающийся перспектив институционализации в Евразии, может быть сформулирован следующим образом:

возможна ли адекватная институционализация в Евразии, особенно с учетом специфики современных геоэкономических процессов и вновь формируемой неоглобальности, без сопряжения с процессами институционализации в сопредельных регионах, где процессы консолидации ядер экономического роста идут объективно быстрее, чем в Постсоветской Евразии?

Иными словами, могут ли существовать только евразийские политические или экономические институты или же следует начинать мыслить в существенно более широком контексте, используя в качестве отправной точки те геоэкономические «большие системы», в настоящее время находящиеся уже в зрелой стадии формирования. В частности, в качестве такового может выступать транснациональный транспортный коридор «Север–Юг», «евразийские» участки коридора «Великий шёлковый путь» («Пояс и Путь») и другие пространственно-промышленные проекты. Это, в свою очередь, означает необходимость управляемого переформатирования, а в ряде случаев и демонтажа политических и экономических институтов, созданных под задачи узкоевразийской интеграции. Вероятность сохранения того экономического и социального пространства, которое они могли бы интегрировать, следует оценить как относительно незначительное. Существенно более продуктивным было бы использовать созданные в их рамках правовой и управленческий инструментарии в качестве организационной основы для развития институтов нового типа.

Библиография

Аватков В.А., Сбитнева А.И. Новый национализм Турецкой Республики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 2. С. 291–302.

Аватков В.А., Евстафьев Д.Г. Постсоветская Евразия в зеркале глобальных процессов (ключевые тенденции развития и дилеммы российской политики) // Полития: анализ, хроника, прогноз (журнал политической философии и социологии политики). 2023. № 2 (109). С. 151–165.

Аватков В.А., Евстафьев Д.Г. Постсоветская Евразия в эпоху глобальных трансформаций: вызов институциональности и управления // Россия и современный мир. 2023. № 3 (120). С. 58–71.

Бжезинский З. Выбор: Глобальное господство или глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2004. 288 с.

Валлерстайн И. Миросистемный анализ. М.: ЛЕНАНД, 2020. 304 с.

Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Министерство иностранных дел России. Официальный сайт. URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/ (дата обращения: 08.02.2024).

Кузнецов А.В. Разнообразие возможных центров силы нового мироустройства // Политическая наука. 2022. № 4. С. 107–120.

Курылев К.П., Енокян А.В. Армения как объект воздействия турецкой политики «мягкой силы»: трудности, успехи и перспективы // Ближний и Постсоветский Восток. 2023. № 1 (1). С. 77–101.

Малышева Д.Б. Россия и транзитные коридоры Евразии // Россия и новые государства Евразии. 2023. № 2 (59). С. 91–102.

Маслов А. Европа и США не сошлись в подходах к сотрудничеству с Китаем // Российская газета, 9 апреля 2023 г. URL: https://rg.ru/2023/04/09/makron-smotrelsia-priiatno.html?ysclid=lgkleuj9nc181416296 (дата обращения: 11.02.2024).

Мишустин отметил пользу форума Digital Almaty для развития инноваций в ЕАЭС // ТАСС. URL: https://tass.ru/ekonomika/19882335 (дата обращения: 29.07.2024).

Пантин В.И. Ценностные размежевания и расколы в современных обществах: влияние на социально-политическое развитие // История и современность. 2020. № 3 (37). С. 23–41.

Урри Дж. Мобильности. М.: Праксис, 2012. 576 с.

Фукуяма Ф. Угасание государственного порядка. М.: АСТ, 2017. 704 с.

Хаас Р. Мировой беспорядок. М.: АСТ, 2019. 320 с.

Nye J. How Sharp Power Threatens Soft Power. The Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence // Foreign Affairs. 2018. Jan. 24. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power (дата обращения: 10.02.2024).

References

Avatkov V.A., Evstaf'ev D.G. Postsovetskaya Evraziya v epohu global'nyh transformacij: vyzov institucional'nosti i upravleniya [Post-Soviet Eurasia in the era of global transformation: the challenge of institutionality and governance]. Russia and the Modern World. 2023. N 3 (120). P. 58–71. (In Russ.)

Avatkov V.A., Evstaf'ev D.G. Postsovetskaya Evraziya v zerkale global'nyh processov (klyuchevye tendencii razvitiya i dilemmy rossijskoj politiki) [Post-Soviet Eurasia in the mirror of global processes (key development trends and dilemmas of Russian politics)]. Politya: analitse. chronika. prognosti (Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics). 2023. N 2 (109). P. 151–165. (In Russ.)

Avatkov V.A., Guzaerov R.I. «Mir bol'she pyati, ili spravedlivost' po-turecki» [«The world is bigger than five», or justice in Turkish]. Modern Europe. 2023. N 1 (115). P. 194–201. (In Russ.)

Avatkov V.A., Sbitneva A.I. Novyj nacionalizm Tureckoj Respubliki [New nationalism of the Republic of Turkey]. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2022. V. 24. N 2. P. 291–302. (In Russ.)

Bzhezinskij Z. Vybor: Global'noe gospodstvo ili global'noe liderstvo [Choice: Global domination or global leadership]. Moscow: International Relations, 2004. 288 p. (In Russ.)

Fukuyama F. Ugasanie gosudarstvennogo poryadka [The Extinction of State Order]. Moscow: AST, 2017. 704 p. (In Russ.)

Haas R. Mirovoj besporyadok [World disorder]. Moscow: AST, 2019. 320 p. (In Russ.)

Koncepciya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (utverzhdena Prezidentom Rossijskoj Federacii V.V. Putinym 31 marta 2023 g.) [Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin on 31 March 2023)]. Official website of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/ (data of access: 08.02.2024). (In Russ.)

Kurylev K.P., Enokyan A.V. Armeniya kak ob"ekt vozdejstviya tureckoj politiki «myagkoj sily»: trudnosti, uspekhi i perspektivy [Armenia as an object of influence of the Turkish policy of 'soft power': difficulties, successes and prospects]. Middle and Post-Soviet East. 2023. N 1 (1). P. 77–101. (In Russ.)

Kuznecov A.V. Raznoobrazie vozmozhnyh centrov sily novogo miroustrojstva [Variety of possible centres of power of the new world order]. Politicheskaya nauka. 2022. N 4. P. 107–120. (In Russ.)

Malysheva D.B. Rossiya i tranzitnye koridory Evrazii [Russia and Eurasia's transit corridors]. Rossiya i novye gosudarstva Evrazii [Russia and the new states of Eurasia]. 2023. N 2 (59). P. 91–102. (In Russ.)

Maslov A. Evropa i SSHA ne soshlis' v podhodah k sotrudnichestvu s Kitaem [Europe and the U.S. did not agree on approaches to cooperation with China]. Rossiyskaya Gazeta, 9 April 2023. URL: https://rg.ru/2023/04/09/makron-smotrelsia-priiatno.html?ysclid=lgkleuj9nc181416296 (date of access: 11.02.2024). (In Russ.)

Mishustin otmetil pol'zu foruma Digital Almaty dlya razvitiya innovacij v EAES [Mishustin noted the usefulness of the Digital Almaty forum for the development of innovations in the EAEU]. TASS. URL: https://tass.ru/ekonomika/19882335 (date of access: 29.07.2024). (In Russ.)

Nye J. How Sharp Power Threatens Soft Power. The Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence. Foreign Affairs. 2018. Jan. 24, URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power (data of access: 10.02.2024).

Pantin V.I. Cennostnye razmezhevaniya i raskoly v sovremennyh obshchestvah: vliyanie na social'no-politicheskoe razvitie [Value divisions and splits in modern societies: influence on socio-political development]. Istoriya i sovremennost'. 2020. N 3 (37). P. 23–41. (In Russ.)

Urri Dzh. Mobil'nosti [Mobility]. Moscow: Praksis, 2012. 576 p. (In Russ.)

Vallerstajn I. Mirosistemnyj analiz [World-system analysis]. Moscow: LENAND, 2020. 304 p. (In Russ.)